

УДК 091

А. В. Малинов

**РОССИЯ В ИСТОРИОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
П.Г. ВИНОГРАДОВА¹**

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры; Санкт-Петербургский государственный университет. 199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

В статье рассматривается философская и философско-историческая публицистика историка-медиевиста Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925). В частности, анализируется оценка им славянофильского направления и учения в русской мысли. Основное внимание уделяется публицистике эмигрантского периода (после 1901 г.), когда П.Г. Виноградов заметно больше стал писать по русской проблематике. Жизнь в Великобритании повлияла на изменение его отношения к России. Хотя он и остался верен идеалам либерального западничества, но начал больше ценить взгляды русских национальных мыслителей. Публицистика П.Г. Виноградова была ориентирована, прежде всего, на европейцев, которых он хотел познакомить с основными фактами русской истории и основами русского мировоззрения.

**ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ; СЛАВЯНОФИЛЫ;
ЛИБЕРАЛИЗМ; РОССИЯ; ВОЙНА.**

Крупнейший отечественный историк-медиевист Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) стал первым российским ученым, приглашенным занять кафедру в Оксфордском университете. Работая на кафедре сравнительного правоведения с 1903 г., он ориентировался на разработку не только историко-правовых вопросов, но и теоретических проблем своей науки. В то же время, пребывание в инокультурной среде пробуждало у

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (№ 15-03-00488).

русского ученого историко-культурную рефлексию, желание объяснить европейцам основы русской культуры и истоки многих событий русской истории. Проживая в Великобритании, Виноградов помимо академической карьеры увлекся публицистикой, в которой отразились его историософские взгляды и философские предпочтения. В отличие от историографических работ ученого они почти не привлекали внимание исследователей. Лишь в последние годы появились труды, более широко рассматривающие его научное наследие, в то числе политико-правовые взгляды [1; 2; 3; 4], общественную деятельность [5; 6; 7], философско-исторические построения в эмигрантский период жизни [8; 9].

Исторические труды Виноградова по европейскому Средневековью были по достоинству оценены на Западе. И его приглашение в Оксфордский университет – лучшее тому подтверждение. Однако, как это часто бывало с русскими учеными, оказавшимися за границей, занимаясь дома европейскими исследованиями, в Европе они становились специалистами по России. Виноградов не был здесь исключением. Еще в 1891 г. он взялся за новую для себя тему о славянофилах, после переезда в Англию в 1901 г. читал лекции о реформах Александра II в Кембриджском университете [10], а затем периодически выступал с лекциями и публиковал работы по социальной истории России, в основном XIX в. Первая мировая война и революции в России стали дополнительным стимулом для разработки российской проблематики. В письмах, отправленных в эти годы в Россию, Виноградов часто обращался к своим корреспондентам с просьбой содействовать пересылке ему в Оксфорд литературы, «так как книги мне нужны для работы о России» [11, л. 11].

Обращение Виноградова к вопросам русской истории и культуры кажется, на первый взгляд, несколько неожиданным и, с трудом вписывающимся в сферу его ученых занятий. Как это может быть ни покажется странным, но его работы по русской проблематике были вызваны обстоятельствами его заграничной жизни. И предназначены они были, прежде всего, иностранным читателям, зачастую носили не чисто научный, а публицистический характер. Первым его опытом в этом направлении стали лекции о славянофилах в Оксфордском университете. Наверное, трудно было найти тему более несоответствующую научным

интересам и жизненным установкам историка, чем славянофильство. Единственным исключением личного характера здесь могут служить славянофильские убеждения его отца, которые, правда, никак не сказались на формировании Виноградова. Действительно, Виноградов создал себе имя в науке исследованиями по истории западноевропейского средневековья, затем много занимался сравнительным правоведением. Славянофильство в этом смысле не вписывается ни хронологически, ни тематически в сферу его научных интересов. По крайней мере, Виноградову были бы ближе и с ученой и с идеологической стороны противники славянофилов – историко-юридическая или государственная школа. Да и сам Виноградов из всего курса о славянофилах решился опубликовать в виде статьи лишь одну лекцию «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства», прочитанную 20 ноября 1891 г. «в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая» [12, с. 98]. Примечательно, что ученый остановил свой выбор на И.В. Киреевском, которому славянофильство больше всего обязано разработкой философской, а не исторической стороны учения. Примечательно и другое: Виноградов дает в целом положительный взгляд на исходную доктрину славянофильства практически одновременно с резко отрицательной статьей своего ученика П.Н. Милюкова «Разложение славянофильства», напечатанной год спустя в тех же «Вопросах философии и психологии» (Кн. 18). Не берусь судить, но интерес к славянофильству среди русских историков в начале 1890-х гг. был, очевидно, симптоматичен. Для примера укажу на усилившиеся славянофильские симпатии, например, у К.Н. Бестужева-Рюмина. В.О. Ключевский в своей записной книжке пометил под 1893 г. (кстати, вскоре после столь негативно воспринятой им диссертации П.Н. Милюкова): «Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя» [13, с. 398]. Лекции о славянофилах, прочитанные в Оксфордском университете, по свидетельству биографа, не были лишены симпатии к «московскому направлению» [14, р. 69]. Четверть века спустя Виноградов, побуждаемый обстоятельствами мировой войны и революций в России, вновь обратился к интерпретации славянофильской доктрине, напечатав на английском языке несколько статей [15, р. 3–14; 16, р. 245–260; 17, р. 670–677]. Сам Виноградов, по-видимому, усматривал в славянофилах

предшественников развиваемого им эволюционного подхода. В автобиографическом очерке он писал о славянофилах: «Направление это можно признать в настоящее время за “überwundener Standpunkt”, как говорят немцы. Оно уступило место эволюционной теории» [18, с. 73]. С другой стороны, либеральным нравам Виноградова импонировал и, по его выражению, «архаический либерализм» славянофилов. «Особенно вызывает удивление, – делился он своими впечатлениями, – духовная самостоятельность и плодотворность этих людей во время строгой правительственной опеки, их гуманное, всесторонне развитие, их могущественное влияние на окружающее общество» [12, с. 100]. Гуманизм был возвращен дворянской культурой аристократически воспитанных, обеспеченных и досужных людей с утонченными вкусами. «Они выдвинули в нашей истории своего рода гуманизм, литературный и философский», – констатировал Виноградов [12, с. 101].

Происхождение московского славянофильства, конечно, не то же самое, что происхождение феодализма, хотя некоторые элементы общего подхода все же можно усмотреть. Так, Виноградов в обоих случаях стремится проанализировать более широкий контекст, в который вписывается исследуемое историческое явление, в первом случае это хозяйственно-правовые отношения, во втором, историко-культурные. С подлинной страстью антиквара Виноградов готов признать ценность любых проявлений исторической жизни. «Моя цель была, – пояснял он, – представить попытку исторической оценки исходного момента славянофильства. Такая оценка включает элементы критики, потому что ставит факты в связь развития и раскрывает его преходящий характер. В этом смысле метод учит, что крупные исторические явления имеют всегда свое оправдание. Они не явились даром и не проходят бесследно, хотя выпадают в искажения и вызывают оппозицию» [12, с. 125].

Понять славянофильство можно осознав его, с одной стороны, частью более широкого интеллектуального или культурного движения, с другой, представив то место, которое это явление занимает в истории самого народа. Рассматривая тот историко-культурный контекст, в котором зародилось славянофильство, Виноградов называет его «европейской школой», имея в виду связь славянофильства с теми

«определенными течениями в западно-европейской литературе», которые можно назвать консерватизмом и романтизмом. Историк подчеркивал европейскую выучку славянофилов и европейски ориентированный, хотя и в критическом направлении, изначальный импульс размышлений славянофилов. «Заметим прежде всего, – уточнял он, – что славянофилы были не менее своих противников знакомы с западной литературой и бытом. Такие люди, как Киреевский, Хомяков, Ю. Самарин, долго и основательно изучали произведения европейской науки и философии. По полноте своей культурной подготовки они, конечно, не уступали никому из русских и западных современников» [19, с. 208]. Виноградов указывал таких предшественников славянофилов, как Шишков, Карамзин, Погодин [12, с. 118]. Отсюда уясняется и значение И.В. Киреевского: «Киреевский замыкает цепь между некоторыми коренными взглядами славянофильства и умственным движением Европы в первые десятилетия нашего века. В этом главный интерес его произведений» [12, с. 117]. В консервативно-романтическом движении, в частности, в немецкой исторической школе права, в изучении народной психологии и этнографии вырабатывался новый взгляд на историю как на органический процесс [12, с. 122–123], а тем самым обозначается и научная генеалогия самого Виноградова.

Место славянофильства в историческом развитии русского народа не менее примечательно. Это было время «культурной молодости народа, вступающего наконец в свое умственное совершеннолетие» [12, с. 101]. Метафора возраста, примененная к самому славянофильскому движению, не только дает пример приложения органической точки зрения к русской истории, но и поясняет многие крайности и излишества славянофильства. В этот период формируется национальное образование, искусство, философия; и славянофилы ярче других выражают происходящие изменения. Они – «истинные русские националисты», – отмечал Виноградов, не вкладывая в свою оценку никакого негативного значения [15, р. 3]. В этом смысле славянофилы были наиболее органической, т. е. соответствующей периоду-возрасту частью русского общества. По словам Виноградова, «как с Пушкиным и Гоголем Петровская реформа осуществлялась в литературе, так с Грановским и Хомяковым стала на ноги научная и философская мысль в русском обществе» [12, с. 100].

Однако исчерпывается ли указанными чертами сущность славянофильского направления? Во-первых, Виноградов отмечает малое значение славянского вопроса для славянофилов: «...панславизм и славянофильство совсем не синонимы» [12, с. 102]. Во-вторых, славянофильство не тождественно москофильству. Славянофильство, критикуя петровские реформы и идеализируя старину, приходит, считает он, к «архаическому либерализму», несовместимому с приматом государственного начала и принесением в жертву единству и силе государства свободных начал земства и личности. Третьей и на самом деле главной чертой славянофильства было стремление выработать новое философское мировоззрение. «Центр тяжести их интересов, – утверждал исследователь, – в установлении нового философского мирозерцания: история и богословие разрабатываются в той степени, как это нужно для проведения идеи этого мирозерцания» [12, с. 104]. Изучение прошлого было подчинено у славянофилов построению историософской и богословской концепции. Историософия, пожалуй, оказалась наиболее разработанной частью славянофильской доктрины. Плодотворнее всего на этом поприще трудились А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. «Историей ни тот, ни другой не пренебрегали, – писал Виноградов, – но интересовались они историей в ее самых общих и, так сказать, философских очертаниях. Даже странные специальные изыскания Хомякова в области средних веков имеют в виду никак не равномерное изучение материала, а подготовку доказательств для философско-исторических обобщений» [12, с. 103–104].

Виноградов, конечно, сознавал, насколько далеки были его собственные философско-исторические пристрастия от положений, отстаиваемых славянофилами. Он критикует их представление о провиденциальной роли России и свойственный славянофилам схематический взгляд на исторические народы, например, отождествление германства с принципом индивидуальности. История, изучая прошлое, позволяет лучше понять современность, но служит плохим советчиком в деле предсказания будущего. Поэтому любые пророчества о судьбе России не только неуместны, но и не соизмеримы с масштабом индивидуального существования, не способного обнять и постигнуть не заверченный еще исторический процесс. «История России заложена в таких громадных

размерах и рассчитана, очевидно, на такие обширные периоды, что нет надобности спешить некрологом», – заключал он [12, с. 125]. Виноградов признавал, что теоретическое и практическое значение славянофилов велико, многие их идеи оказались жизнеспособными, но в них историк видит уже и «смертную сторону» славянофильства. Более того, религиозные интересы, которым были подчинены исследования славянофилов, затрудняют понимание их идей современными читателями, воспитанными не на религиозных идеях, а на вере во всемогущество науки. «Геологические писания таких славянофилов, как А. Хомяков и Юрий Самарин, – признавал Виноградов, – нелегко читать в наше время; они ли более или менее осознанно к православию и они наполнены диалектическими примерами. Но эти люди боготворили Логос мира не устами, а своими сердцами» [15, р. 14]. Другим выражением «Логоса мира», поклонником которого можно считать самого Виноградова, было правовое мышление, обосновывающее законный порядок человеческих отношений.

В статье «Россия и Европа», написанной Виноградовым, по-видимому, в конце 1916 – начале 1917 г., но в свое время неопубликованной из-за начавшейся в феврале 1917 г. в России революции, историк дополнял высказанные им ранее критические аргументы. «В их культурно-психологических наблюдениях было много глубокого и верного, – писал Виноградов о славянофилах, – но постановка задачи страдала от двух роковых погрешностей: во-первых, следуя немецким философским течениям того времени, славянофилы считали народный характер величиной постоянной и неизменной. Во-вторых, они старались определить те принципы, которые Россия должна внести в последовательное развитие мировых идей» [19, с. 209]. Критика славянофильской доктрины развертывается Виноградовым, по существу, с той же органической точки зрения, которую, как он считал, разделяли и славянофилы. Виноградов, в этом отношении, говорит со славянофилами на одном языке и лишь настаивает на более строгом определении и конкретизации самого органического подхода. Так, прежде всего требует уточнения понятие народа, сближаемого с истолкованием индивидуального развития. Как индивид, сохраняя свою идентичность и

тождество сознания, меняется с возрастом, изменяются его вкусы, предпочтения, взгляды, интересы, так же и народ не остается неизменным в своей истории. «В долгом развитии своем великие народы видоизменяют свой духовный облик так же, – развивал свою мысль историк, – как это случается и с отдельными людьми, если они проходят по жизненному пути среди сложных условий. Психологическая преемственность не исключает разнообразных *воздействий*, а комбинируется с ними» [19, с. 209]. Еще ранее в одном из лекционных курсов, критикуя принципы романтической историографии, он отмечал, что «народный характер есть нечто текучее; сколь бы мы ни раскладывали его на постоянные элементы, нельзя утверждать и доказать, чтобы народ, подобно отдельному лицу не изменялся сильно и резко под влиянием новых обстановок, новых элементов жизни, новых племен... Приняв во внимание, что характер народа изменчив, можно все-таки дать психологические формулы для известных эпох его развития» [20, с. 9]. Собственно говоря, Виноградов под видом органической точки зрения проецирует здесь на историософскую проблематику широко распространенное в либеральной философско-правовой мысли представление о субстанциональной устойчивости личности при изменчивости ее состояний. Место идентичности сознания личности у Виноградова занимает «психологическая традиция» народа, а место изменяющихся состояний – многообразие исторической обстановки. Биологический параллелизм индивида и народа, таким образом, смыкается у Виноградова с позитивистской теорией факторов. «Подобные групповые организмы, – пишет он о народах, – отражают в своей жизни как особенности психологической традиции, так и результаты отношений к окружающему миру и к поставленным им в разное время задачам. Таким образом, их судьба зависит никак не от единого фактора цельной народной личности, но от взаимодействия личности и среды» [19, с. 209–210]. Неверное понимание народа, в том числе и славянофилами, делал вывод Виноградов, объясняет и «крушение всех попыток снабдить каждый великий народ собственным и единым культурным “словом” в последовательном ходе всемирной беседы» [19, с. 210].

Вдумчивой критике подвергал Виноградов и взгляды отдельных представителей славянофильского движения. Так, отторжение И.В. Киреевским западноевропейского рационализма, полагал он, вписывается в романтическую реакцию на рациональную философию Просвещения и в целом соответствует периодической смене рационалистических и иррационалистических акцентов в рамках единой европейской культуры. Критика И.В. Киреевским рационализма не выдерживает заявленного противопоставления западноевропейской и русской культуры. «Итак, – заключал историк, – русской народности приписано было назначение, почерпнутое из истории сменяющихся направлений и обостренных противоположностей западной философской мысли» [19, с. 210]. Неприемлемым для Виноградова оказывается и признание А.С. Хомяковым православия в качестве основы русского мирозерцания. «Начало это, однако, углублялось до такой отвлеченной формулы, которая лишала его исторической реальности», – предъявлял свою претензию дотошный историограф [19, с. 210]. Не соглашался Виноградов и с политической концепцией К.С. Аксакова, а также с идеализацией славянофилами крестьянской общины. У более поздних мыслителей укора удостоились представление Ф.М. Достоевского об отзывчивости и «всечеловечности» русских, что на взгляд Виноградова, лишь указывает на ученичество русского народа у других культур, а также приписывание Н.Я. Данилевским русскому народу начала терпимости, с опровержением которого, настаивал Виноградов, не замедлят многие факты русской истории.

Впрочем, «увлечение» славянофильством не прошло для Виноградова даром. Он не только обнаружил в славянофильстве истоки развиваемой им органической точки зрения на историю и общество. Отдельные мыслительные конструкции и образы, используемые славянофилами, периодически, возможно безотчетно, проговаривались в его собственных теоретических конструкциях. Приведу показательный в этом отношении пример. Со времени написания статьи о И.В. Киреевском минуло почти четверть века; Виноградов давно уже, променяв свою московскую известность на мировое признание, жил в Англии. Публикуя в Москве в 1915 г. (подготовленное учеником Виноградова М.О.

Гершензоном двухтомное собрание сочинений И.В. Киреевского вышло в 1911 г.) введение в курс сравнительного правоведения, читаемого им в Оксфордском университете, он давал свое истолкование сознания. И при этом явно вплетал в рассуждение, представляющее смесь английского эмпиризма с привычным позитивизмом, используемую И.В. Киреевским в наброске концепции «цельной личности» музыкальную метафору, согласно которой гармонично звучат все струны души. Приведу это пространное рассуждение Виноградова: «Мы также (как и животные. – А.М.) подвержены непосредственным импульсам нашей эмоциональной природы, но наряду с этим непосредственным двигателем мы сознаем присутствие в нашем уме совершенно иного духовного процесса. Мы всегда как бы подставляем зеркало нашим эмоциям, идеям и решениям, и вследствие такого самосознания мы переживаем события и действия нашего существования не только в их прямой последовательности, но также, как ряд отражений. Струны нашего духа непосредственно затрагиваются снаружи различными впечатлениями, производимыми встречающимися нам предметами, равно как и физиологическими и духовными событиями в нашем собственном организме. Процесс рефлексии делает для нас возможным переставлять ряды наших впечатлений и воспоминаний, согласовывать их с сознательными целями и сознательно избранными мерилami» [21, с. 7].

Еще один пример славянофильских экспликаций несколько неожиданно можно обнаружить в рецензии Виноградова на книгу Р.Ю. Виппера «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма», представляющую собой диссертацию, за которую Р.Ю. Виппер получил докторскую степень, минуя степень магистра. Учение о предопределении в кальвинизме рецензент пояснял отсылкой к богословской концепции А.С. Хомякова. «К церковному учению кальвинизма, – оценивал Виноградов протестантизм по мерке славянофильской доктрины, – можно, как это ни странно, применить замечание Хомякова относительно спасения; вопрос не в том, как человек может спастись, а в том, каким образом Бог спасает человека» [22, с. 140–142].

Любопытно, что в последней доэмигрантской работе Виноградова – брошюре «Накануне нового столетия» – практически полностью

отсутствовал русский материал. Тому, вероятно, были свои причины. Примечательно, что данная работа стала завершением русского периода в жизни Виноградова. Хорошо видно, с какими настроениями он покидал Россию. «Накануне нового столетия» в масштабе виноградовской жизни может быть оценена, как накануне эмиграции. Итоги XIX в. для России Виноградов сумел подвести в своих публицистических произведениях, инициированных начавшейся мировой войной. Еще в статье «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства» он отмечал, что в XIX в. в России было две эпохи культурного подъема, «когда велика была организующая сила идей» [12, с. 99] – 1840-е и 1860-е гг. Согласно взглядам ученого, – это два «исторических момента», «из которых один знаменует образование главных теоретических направлений русской мысли XIX века, а другой – появление нового социального строя русской жизни» [12, с. 100]. 60-е гг. XIX в. – пора реформ в российском обществе. В лекциях «Реформаторская деятельность царя Александра II» и «Значение современного развития России», прочитанных в 1902 г. в Кембридже, Виноградов пытался показать, что необходимость реформ была осознана русским обществом в результате споров славянофилов и западников, развернувшихся в 40-х гг. XIX в. Желаемые изменения должны были учитывать как самобытные русские исторические начала, так и опыт западных стран. Успех реформ, полагал Виноградов, был обеспечен «совместной деятельностью правительства и просвещенного меньшинства, наделенного идеалами справедливости и независимой мысли» [10, р. 242]. Посредством реформ реализуется эволюционный путь развития, предпочитаемый Виноградовым. Именно демонстрации благотворности и эффективности эволюционного и реформационного развития посвящен даваемый ученым английским читателям краткий очерк социальной истории России в XIX столетии. «Что мы желаем для России, – делился Виноградов своими мыслями в 1915 г., – так это не ввязываться в революцию с ее фантастическими перспективами и ужасающими реальностями. Мы хотим полной органической реформы наподобие движения шестидесятых годов, только в большем масштабе» [23, р. 8]. «Я уверен в одной вещи, – продолжал он далее, – люди в России, более определенно образованный класс, “интеллигенция” возродят атмосферу

великих реформ и смогут всех удивить как в мирное, так и в военное время» [23, р. 27].

Эпоха реформ – один из этапов русской истории. Ее необходимость легче усмотреть, если связать ее с определенным периодом в истории России. Виноградов давал следующую периодизацию русской истории. Первый период он относил к XII–XIII вв. В это время у восточных славян сложились два объединительных центра: Киев и Новгород. Славянское население численно преобладало над соседними финскими и тюркскими народами. Смешение с ними стало одним из оснований позднейшего различия Великороссии и Малороссии. Начало второму периоду (XIII–XIV вв.) положило монгольское вторжение. Россия оказалась в тяжелом положении между Азией и западными странами. Итогом этого периода стало постепенное возвышение Москвы. Третий период или Московская Русь хронологически занимает два столетия (XVI–XVII). Центральным историческим событием этого периода было Смутное время, которое русский народ сумел преодолеть, восстановив свое историческое тело, объединив коренное население Волги, Дона, Днепра и Двины. Четвертый период – период европеизации – начался в XVIII в. Главными его историческими событиями и приобретениями стали выход к Балтийскому морю при Петре I и к Черному морю при Екатерине II, а также «героическая борьба против французских завоевателей в 1798–1814 гг.» [24, р. 15]. Широкая европеизация привела к изменению обычаев и социальных институтов по западным образцам. Плодотворным оказалось взаимодействие с западноевропейской культурой, способствовавшее расцвету литературы и искусства в России XIX в. Социальный прогресс в эту эпоху был менее заметен; но и в этой сфере есть достижения, порожденные реформами 1860-х гг. «Освобождение крепостных, появление местного самоуправления, реформа права и судопроизводства, большие успехи в общественном образовании сделали бы честь ююбой нации», — заключал Виноградов [24, р. 15].

В статье о Т.Н. Грановском Виноградов подмечал культурную восприимчивость и цивилизационную терпимость русского народа. Из этого наблюдения он делал частный вывод о научных предпочтениях русского человека. «Не будет парадоксом сказать, – писал Виноградов, –

что именно всеобщая история должна быть русской наукой. Русские имеют еще меньше права уединяться в своей отдельной национальной культуре, нежели англичане, французы или немцы, на которых, впрочем, такое уединение действует достаточно вредно. С другой стороны, если русскому нужна и близка вся общая гражданственность человечества, зато им нет основания связывать себя изучением одной какой-либо отрасли или нации» [25, с. 58]. «Нет надобности останавливаться на известных всему миру выносливости и здравом смысле русского народа», – отмечал Виноградов положительные черты русских людей [26]. Вспомним, продолжал он далее свою характеристику, «последовательное, неотразимое стремление к образованию... колоссальную жизнеспособность гонимых раскольнических обществ, наиболее верных старой культуре и наиболее здоровых в нравственном и материальном отношении. Вспомнил сметливость, деловитость и твердость, которые проявляет народ в тех случаях, когда ему сколько-нибудь дано вздохнуть, напр[имер], в артельных организациях» [26]. Даже крайние проявления революционных событий в России не поколебали веру Виноградова в русский народ, вероятно, только укреплявшуюся от длительного пребывания на чужбине. «Русским народом овладел пароксизм зверского исступления, но в основе это богато одаренный народ, ищущий правды; способный к состраданию и раскаянию», – признавался ученый в своей любви к русскому народу со стороны [27, с. 56]. Ту же любовь к дальнему он демонстрировал и в статье, нацеленной на английского читателя. «Русский народ по природе своей и наклонностям демократичен, толерантен и охотно прощает свои обиды. Освободившись от самодержавия и успокоившись после революции, он всей душой присоединиться к международному движению в пользу мира и справедливости» [24, р. 25].

Взгляд на историческую судьбу русского народа наводит Виноградова на размышления о славянстве, которых он избегал, даже занимаясь московским славянофильством. В газетной заметке «Россия. Психология нации» Виноградов касался вопроса о влиянии географической среды на историю. Признавая, что неблагоприятные географические условия тормозят историческое развитие народа, он писал:

«Нация, оказавшаяся в невыгодном положении из-за географии может позднее начать развиваться и тем не менее ее развитие может быть относительно лучше, чем у более удачливых соседей» [23, р. 39]. Географическое неудобство расселения славянского племени стало «общим местом» отечественной, особенно либеральной, историографии, по крайней мере с С.М. Соловьева. Однако перспективы славянской цивилизации рисуются Виноградову следующим образом: «Славяне должны иметь свой шанс в мировой истории и время их возмужания ознаменует новый этап роста цивилизации» [23, р. 44].

В размышлениях Виноградова о России преобладала «тема – об оправдании и пределах европейского влияния» [19, с. 208], или «вопрос о приобщении России к европейской культуре» [19, с. 205]. При этом необходимо учитывать, что рассуждения историка ориентировались на западного читателя. Их цель – не помочь русским лучше понять самих себя, а выработать понимающее отношение европейцев к русской истории и культуре. Для взаимопонимания, в свою очередь, необходимо, «чтобы установилась некоторая общность мировоззрения, некоторая солидарность в понимании основных требований права и гуманности» [19, с. 202]. Таково требование Виноградова к союзникам России в войне. Монологичность европейской цивилизации, мало склонной к восприятию ценностей иной культуры, часто задавала предвзятое мнение о России. Задача, которую ставил перед собой Виноградов: показать, что Россия дает не меньше примеров положительного культурного развития, чем отмечаемые европейцами отрицательные стороны русской жизни. Контраст культурных достижений на общем низком уровне цивилизационного развития – действительное противоречие русской жизни. «Те трудности и несчастья, которыми наполнена наша ежедневная жизнь, – писал историк, – складываются в одно колоссальное противоречие. Вместо единой цельной России весь мир считается с существованием двух глубоко различных России: с одной стороны – Россия Толстого и Достоевского, Глинки и Мусорского, Менделеева и Мечникова. Россия великих реформ и общественного прогресса, неистощимой народной выносливости и стихийной веры, с другой – Россия помпадуров и мародеров, чиновничьего произвола, разнузданного

хищничества, народного невежества. Эта двойственность – великий недуг, с которым необходимо всеми мерами бороться» [19, 202]. Итак, главная слабость России и причина ее неудач, в том числе и военных, в культурной отсталости. Эту точку зрения Виноградов развивал и отстаивая цивилизационную роль университетов в России. «Если что-либо должно быть бесспорным в России, – писал он в начале статьи “Учебное дело в наших университетах”, – так это – истина, что путь к благосостоянию и могуществу открывает народам просвещение: чтобы действовать, надо знать и уметь» [28, с. 537]. На этом пути у России много препятствий. Это и обширная территория при малочисленности населения, его отсталость, скудость средств.

Восприятие Европы в качестве образца исторического и культурного развития соответствовало мировоззрению русских западников, к числу которых принадлежал Виноградов. Его биограф отмечал несколько идей и убеждений, служивших Виноградову основой оценки той или иной исторической эпохи или народа: представление о ведущей роли западных наций в истории, парламентаризм как государственное устройство, гарантии безопасности и гражданских свобод, распространение образования и обеспечение академической свободы высшей школы, доступность образования, развитие местного самоуправления [14, р. 10]. Доказательством универсальности идеалов, выработанных западноевропейской культурой, могут служить успехи азиатских народов, вставших на западный путь развития. Поражение России в войне с Японией указывает не только на слабость русского самодержавия или бездарность генералов, но и на плодотворность заимствованного европеизма, перерождающегося в технически усиленный милитаризм. Оценка Виноградова звучит как приговор: «Как ни стараются наши самобытники уверить себя и других, что стадо есть общественная организация, наиболее соответствующая духу русского народа, что правовой порядок, гражданская обеспеченность, политическая свобода, — случайные и печальные особенности соседних стран, европейские идеи делают в России свое дело, особенно с тех пор, как их неожиданным союзником явились азиаты Дальнего Востока, опередившие, как оказывается и Китай, и Россию» [26]. То, что Россия, вступая в войну была

страной более европейской, чем ее восточный сосед, Виноградов не учитывает. Ему важно показать, что неудачи России вызваны незавершенностью процесса вестернизации, что России еще есть чему учиться у Европы. «Многие в России думают, – писал он, – что русским политическим деятелям предстояло просто схватить на лету последние слова передовых партий Европы. Откуда такая гордыня? Не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять западную “буржуазию”, которая немало сделала для европейской цивилизации» [26]. Цивилизационный минимум европеизма составляют правовой порядок и политическая свобода. Универсальность западноевропейских цивилизационных стандартов позволяет Виноградову желать судить Россию по мерке Новой Зеландии; «по мерке, снятой с карлы», – как писал в XVIII в. И.Н. Болтин. «Но даже если и невозможно обратить Россию в своего рода Новую Зеландию, – несколько сожалел Виноградов, – зато необходимо усвоить основные начала правового порядка, гражданской обеспеченности и политической свободы, и для успешного их усвоения нельзя не справиться с уроками европейской истории» [26]. Однако, будучи либералом, видящем идеал цивилизационного развития на Западе, замечал Фишер, Виноградов оставался русским патриотом [14, р. 3]. Культивируемый на протяжении двух последних веков европеизм служит хорошим профилактическим средством против шовинизма. Доверие к чужой культуре, отказ от национальной исключительности и культурной самобытности делает, по мнению Виноградова, «маловероятными» претензии России на гегемонию в Европе. «Я, впрочем, думаю, – писал он, – что преобладающая масса русского общества далека от всякого шовинизма и отлично понимает выгоды совместной работы с западными державами» [29].

Однако положение России как европейского государства сопровождается культурным расколом, начавшимся в России еще в XVII в. и доведенном до крайности петровскими реформами. Именно этот, отмеченный еще славянофилами, историософский конфликт между европейской образованностью и народной верой и привел, по мнению Виноградова, к революции. «Нигде, кроме завоеванных стран вроде Индии или африканских колоний, – писал ученый в 1918 г., – дифференциация общественных классов не осложнена в такой степени культурными

разницами, как в России. Со времени Петра Великого и даже Никона в России соперничают две культурные стихии, глубоко различные и враждебные друг другу: люди западной выучки – интеллигенты всех категорий и люди старой веры – раскольники и православные. Сообщаются эти две группы друг с другом на общем, разговорном языке, но по духовной сущности их мирозерцание и понимание жизни прямо противоположны. Старый политический порядок был основан на этом дуализме. Бессознательно или сознательно он держался на обуздании темной массы при помощи немецких выучеников и на подавлении этих выучеников тяжестью темной массы» [27, с. 56]. Раскол разделил на культурные, непонимающие друг друга, миры народ и интеллигенцию, народ и правящий слой, интеллигенцию и бюрократический аппарат. «По воле истории, – рассуждал Виноградов о причинах революции 1905 г., – русская жизнь раскололась: меньшинство надело немецкий костюм и приблизилось к Европе по идеям и стремлениям, громадное большинство осталось на проторенной московской колее и по настоящее время живет особой, темной жизнью, молится своим богам и таит особые социальные и политические стремления. Народ не только воспитан в невежестве, он думает и чувствует иначе, чем интеллигенция, у него своя культура, и много времени пройдет, прежде чем устранился этот роковой раскол» [26]. О культурном расколе как причине революции 1917 г. Виноградов писал в статье «Ситуация в России» [24, р. 16]. Революционное разрешение событий неизбежно. Революция – результат культурного раскола, который, в свою очередь, следствие европеизации России. К такому выводу, возможно сам того не желая, приходил Виноградов. По его словам, «как велико озлобление и какие требования будут предъявлены “господам”, мы узнаем только тогда, когда наступит минута неизбежного расчета» [26]. «Главное надо помнить, – предостерегал историк об опасности новой революции, – что радикальное упразднение существующей администрации будет первым шагом к попыткам утверждения новых правительственных властей, – попыткам, которые не могут не сопровождаться кровопролитным истреблением непокорных и разномыслящих. Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо

употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозит на последнем пути неслыханные опасности, если не гибель» [26]. Помимо культурного раскола итогом реформы Петра I стало насаждение в России духа утилитаризма, способствовавшего технической модернизации страны, но дорого сказавшегося на ее культурном развитии. Именно лозунгами утилитаризма оправдывались в России нападки на науку, университетское образование, искусство. Первой попыткой преодоления утилитаристской установки стало увлечение философией Шеллинга и Гегеля, а ее выразителями выступили славянофилы.

Культурный раскол в русском обществе – не единственная причина революции. По словам Фишера, Виноградов еще в 1891 г. верил в неизбежность великой войны в Европе, но вот революции в России он не предвидел [14, р. 20]. В то же время следует заметить, что решение Виноградова эмигрировать, скорее всего, помимо личных причин и обид, сопровождалось пессимистическим взглядом на ближайшее будущее России. Революционные события 1905 и 1917 гг. заставили историка более определенно высказаться о причинах происходящего. Одна из них – деградация власти. «Поразительное отсутствие людей в его рядах, – писал Виноградов о царском правительстве в 1905 г., – может быть объяснено лишь долгим отбором неспособных и развращающим влиянием “высшей среды” даже на способных. Отсутствие убеждений и личного достоинства среди исполнителей предначертаний высшей власти сопровождалось циническим презрением к убеждениям и идеалам, где бы они ни обнаруживались, и растаптыванием малейших зачатков самостоятельности и личного достоинства. В погоне за призрачным могуществом государство оказалось несостоятельным в исполнении элементарных обязанностей по отношению к людям, которые имеют сомнительное преимущество состоять под охраной русских законов: мы дожили до назиданий султана русскому правительству на тему об охране жизни и имущества лиц, проживающих в России» [26]. Отсутствие достойных людей и отсутствие идей, т. е. видения перспективы развития страны, в правящем слое и

бюрократическом аппарате влечет закономерное недоверие к власти, дискредитирует ее в глазах населения. Отчуждение власти от народа заставляет народ желать поражения своего правительства как внутри страны, так и во вне. Это и стало одной из причин не только революции, но и неудач в русско-японской войне. Как писал Виноградов, «люди, которым так долго вменялась в преступление малейшая попытка политической деятельности, выработали прямо враждебное отношение ко всему, что сколько-нибудь связано с государственностью. Принципы власти, порядка, государственного интереса потеряли цену, потому что они воплощаются в конкретных формах данной власти, данного порядка, данного государства. Патриотизм в смысле чувства национальной солидарности по отношению к чужеземцам стал почти неприличным. Общественно настроение в течение настоящей войны едва ли имеет себе что-либо подобное в истории и до сих пор не совсем понятно за границей. Что русские люди примкнут к хору врагов, злорадно рукоплещущих японским победам, это кажется иностранцам противоестественным... В России общество принуждено бояться побед своих генералов более, чем национальных поражений» [26]. Ненормальность такой ситуации очевидна. Подавленный сообщениями из России, где осталась его мать, Виноградов после 1917 г. старался публично не обсуждать происходящие на родине события. «Это правление Антихриста», – приводил Фишер горькие слова историка [14, р. 74].

Свой вклад в дело подготовки революции внесла и русская интеллигенция, попутно кающаяся в грехах радикализма. Свою оценку роли русской интеллигенции Виноградов профессионально дополнял исторической аналогией. «Нельзя сказать, – писал он, – чтобы все обстояло благополучно в рядах нашей интеллигенции. Долгая неволя во многом испортила ей характер.

Читая знаменитые главы Токвиля о политическом воспитании французской интеллигенции перед революцией, можно думать, что читаешь характеристику современного образованного класса в России: та же склонность к несбыточным фантазиям, прямолинейным шаблонам, отвлеченным построениям, та же вера во всемогущество формальных преобразований, та же желчная нетерпимость к разномыслящим. К этому надо прибавить некоторые местные психические черты, особенно сильно

освященные Достоевским и Чеховым – истерические “надрывы”, резкие колебания настроений от фанатизма к отчаянности и апатии, вялость, неряшливость в будничном труде» [26]. В то же время историк не был склонен бесконечно корить русскую интеллигенцию. Он видел и ее положительные черты, в частности, «ее роль в истории народного самосознания должна возрастать вместе с распространением образования. Русская интеллигенция проявляет на каждом шагу способность к самопожертвованию, идеализм, силу братского чувства, которым могли бы позавидовать соответствующие классы на Западе» [26].

Живя в России, Виноградов оценивал русскую историю и современное состояние страны с точки зрения европейских идеалов. Переселившись в Англию, он, напортив, сменил угол зрения, воспринимал европейские события с русской стороны. По крайней мере, так казалось его английским коллегам. Фишер делится своими наблюдениями о взглядах Виноградова на славянство и о том патриотическом воодушевлении, какое охватило историка с началом мировой войны. «Его взгляды на европейскую историю, – писал биограф, – были всецело русскими. Однажды, когда я процитировал ему лампрехтовский приговор, что величайший подвиг германской расы в Средние века состоял в экспансии на восток, он ответил со страстным выражением: “О! но правдиво о завоевании балтийских славян никогда не говорили”. В самом начале войны его славянский патриотизм разгорелся сильнее и как паломник он мечтал о Царьграде, вырванном из рук мусульман и отданном русскому орлу» [14, р. 74]. Желание воссоединения второго и третьего Рима усиливалось аналогией между «смыслом» происходящих событий и эпохой средневековья. «Уже и теперь слышатся иногда голоса, предупреждающие портив идеализма “крестовых походов”. Однако, – проводил Виноградов исторические параллели, – не лишено значение сознание, что в этом направлении происходит эволюция, обусловленная всей предшествующей историей и имеющая составить, по-видимому, содержание грядущей истории на многие годы» [29]. Революция в России придала виноградовскому восприятию апокалипсический оттенок. Вместе с этим и развитие современного общества не оправдывало прогрессистских ожиданий Виноградова. В последних статьях он отмечал усилившуюся борьбу интересов и классов в экономической сфере,

388

обострившийся конфликт между индивидуалистическими и коллективистическими идеями в государстве, потрясение моральных устоев и сомнение в их ценности, утрату христианством своего места в европейской цивилизации, трансформацию семейных основ, отношений между полами, ослабление безопасности в государствах.

И все же Виноградов не видел для России другого пути развития, кроме как приобщения к европейской культуре, воспринимаемой им в качестве культуры общечеловеческой. Правда, Виноградов писал об этом еще до, точнее, накануне революционных событий февраля 1917 г., но вряд ли кардинально пересмотрел свои взгляды после. Более того, в приобщении народа к ценностям более развитой культуры, он видел своеобразный закон исторического развития. «Прежде всего отметим, – писал Виноградов, – что заимствование одним народом у другого известных идей, приемов и учреждений не только не составляет родового явления, а, напротив, может быть признанным своего рода законом культурного развития» [19, с. 205]. Историческое развитие народа невозможно в изоляции, т. е. без влияния на него других народов. На конкретном историческом материале Виноградов неоднократно демонстрировал, как воздействие соседей стимулировало изменения в исторической жизни народа. Примером тому может служить восприятие германскими племенами римской культуры. Как писал Виноградов в курсе истории средних веков, «во всех случаях, где мы встречаемся с переходом от низшего уровня цивилизации к высшему, мы имеем такой процесс: племя не стоит в одиночестве, оно как бы оплодотворяется извне, получает первые толчки на пути цивилизации в борьбе с соседними племенами, преимущественно, высшими по культуре. Так было на нашей исторической памяти с Греками, Римлянами, Германцами, Славянами. Племя, совершенно обособленное, едва ли имеет возможность развить культуру исключительно из себя. Это развитие всегда обуславливается влиянием рядом стоящего культурного племени» [30, с. 48–49]. В то же время, ученый признавался, что большая образованность народа еще не означает его большую историческую значимость. Тем самым несколько реабилитировалась и очевидная культурная отсталость России. «Из того обстоятельства, что древние римляне были несравненно образованнее напавших на них варваров, не следовало, что за первыми всегда

останется преимущество в мировой борьбе. Если бы дело решалось согласно мерилу школьного образования, то пруссаки и австрийцы до сих пор остались бы подвластны наполеоновской династии» [19, с. 204].

Жизнь за границей только укрепила убеждение Виноградова в европеизме как исторической судьбе России. «Но все сильнее укореняется среди них (англичан. – *А.М.*) мысль, – писал Виноградов с того берега, – что народ русский в этой борьбе (Первой мировой войне. – *А.М.*) проявил свойства великого народа, что с мелкими невзгодами и препятствиями он справится и что, во всяком случае, он не откажется от дела Петра Великого и от места в семье европейских народов. Его будущее – в согласии и мирной, культурной работе вместе с западными братьями. На этом пути, несмотря на все различие учреждений и привычек, найдена общая почва в культуре права во всех его явлениях – права международного, гражданского, государственного права, уже давно завоеванного англичанами и сияющего, как путеводная звезда, перед глазами России» [29]. Никакие исторические перипетии и разочарования не подорвали этой цивилизационной веры Виноградова.

Однако в полной мере возможность сближения русской культуры с европейской сложилась не в результате петровских преобразований, а только с отменой крепостного права. Лишь окончательное избавление от крепостного рабства позволяет России встать на западный путь развития. «Можно сказать, – развивал свою мысль Виноградов, – что лишь с отмены крепостного права в 1861 году можно начинать историю нового периода народного просвещения в России, потому что только с этого времени открылся путь для усвоения европейской образованности не только правящим классом, но и “народом”» [19, с. 207]. Этим объясняется и то значение, которое историк придавал эпохе реформ Александра II. Освобождение и просвещение народа, развитие земских учреждений – вот те мероприятия, которые помогут России вписаться в европейскую цивилизацию. Приобщение к ней не стоит воспринимать как замену самобытных народных ценностей заимствованными европейскими. В этом процессе Виноградов видел возможность решения тех задач, которые стоят перед человечеством, а, значит, и перед русским народом. «”Человеческое”, – разъяснял он, – это задачи науки и религии, политики, права, хозяйства, то, что вытекает из основных условий человеческой

390

природы и мирового развития. Ответы на них получаются не тождественные, в зависимости от тех национальных особенностей, которые должны сказаться сами собой. Но при всем разнообразии оттенков не следует терять из виду, что вопросы о власти и свободе, о преступлении и наказании, о человеческой душе и строении мира, поставлены не для немцев, англичан или русских, а для всех людей. Мало того, несмотря на всю разницу исторических положений, нас соединяет принадлежность к тому или другому кругу мирового развития. Первым и самым обширным кругом, возвышающимся над отдельными национальностями, является христианская культура, со всеми ее разветвлениями в религии, морали и быте. Другой, более тесный, круг возник вследствие возрождения наук и искусств, открывающего новую историю. Третий круг составил в 18 веке вследствие освободительного движения. Четвертый круг формируется в настоящее время в связи со стремлениями к социализации гражданского строя. Не касаясь разномнений и споров, которые возникают на почве каждого из этих кругов, необходимо признать, что историческая жизнь в их пределах настроена на известные гармонические лады, и что поэтому разграничения национальные и государственные не могут воспрепятствовать свободному движению мыслей на всем протяжении образованного мира» [19, с. 212]. Обозначенные Виноградовым общие основы европейской и русской культуры – христианство, цивилизационная парадигма Модерна и «социализация гражданского строя» – позволяют надеяться, что приобщение к западной культуре может пройти не слишком болезненно, тем более, что в них заложена и идея культурной открытости и восприимчивости.

Революционные события в России, конечно, заставили Виноградова несколько откорректировать свою точку зрения. Но и здесь европейская история могла бы послужить для объяснения происходящих в России процессов. Более того, революция могла выступить, пусть и негативным, но, по крайней мере, формальным подтверждением общности исторического пути России и Европы, уже пережившей в своей истории серию революций. В России, как, вероятно, и в Европе возрос спрос на ученых, изучающих революции. Медиевистские разыскания Виноградова не могли послужить в этом отношении хорошим примером для проведения широких исторических обобщений и аналогий. Другое дело, оставшийся в

России приятель Виноградова Н.И. Кареев. В целом ряде специальных работ Н.И. Кареев исследовал различные аспекты революционных событий во Франции в конце XVIII в. и их причин. Ученики Н.И. Кареева продолжали и развивали подход своего учителя. В 1918 г. по настоянию редакции журнала «Нива» Н.И. Кареев решился на популярное изложение истории Французской революции, вышедшей четырьмя небольшими выпусками с единой пагинацией под названием «Великая Французская революция». Это издание едва ли подняло научный рейтинг ученого или повысило котировки его съедаемых инфляцией гонораров, но, по крайней мере, оказалось востребованным. Занятия Виноградова Французской революцией ограничивались изучением А. де Токвиля, хотя в течении многих лет он и читал курс по истории Франции XVIII в. Тем интереснее выводы, сделанные Виноградовым и поясняющие его собственную политическую программу. В предисловии к переводу «Старого порядка и революции» Виноградов отмечал, что «политическая свобода – вносит необходимую примесь идеализма в демократическую жизнь, которая иначе легко может унизиться до грубого и мелочного себялюбия; лучшей опорой политической свободы в демократиях служит децентрализация и местное самоуправление» [31, с. 6]. «Революция, – писал он далее, – ломала историческую действительность в угоду отвлеченным теориям. Но могущество отвлеченных теорий сложилось задолго до революции, в ту эпоху, когда общество отвыкало от всякого участия в политической деятельности» [31, с. 7]. Отсутствие навыков политической свободы в России усугублялось культурной отсталостью и необразованностью населения.

Ко многим навалившимся на Россию несчастьям, последовавшим в ходе революции, добавился и распад страны. Виноградов остро реагировал на отторжение окраин некогда могучего государственного организма. Россия как историческое явление представляет собой живой организм, сложившийся естественным путем, распадение которого болезненно отзывается во всех отложившихся частях. «Было бы чудовищной нелепостью в результате тягостной, но победоносной войны вытолкать Россию в пределы древней Московии, как того желают немцы», – писал историк в 1916 г. о возможном отторжении Польши [29]. Для нормализации положения в России по окончании войны, полагал

Виноградов, необходимо решить, каким образом возможна мирная консолидация и как регулировать отношения между народами в многонациональном государстве. Россия – результат тысячелетнего органического развития, поэтому современные неурядицы, уверен ученый, явление временное. Россия сможет преодолеть смуту, пережить революционное лихолетье и восстановится в своих естественных пределах. «Как скоро мы обозрим события в достаточно широком масштабе, – убеждал Виноградов, – мы поймем однажды, что нынешние трудности и беспорядок есть только маленький затруднительный эпизод общего роста» [24, р. 14]. Из смеси патриотизма и исторических представлений ученого рождается не лишенный утопизма рецепт Виноградова. «Возрождение этого исторического целого, – писал он в 1918 г., – создание которого стоило таких усилий, таких потоков крови, должно, несомненно, составлять одну из главных задач русских патриотов. Обезображенное туловище России, сохранившееся после отпадения Украины, после Брест-Литовского мира, после бегства с Кавказа, не отвечает никаким географическим и историческим потребностям: оно не обеспечивает ни самодовлеющего хозяйственного круговорота, ни политической независимости, ни культурного прогресса... Чтобы воссоединить Украину, Крым, Дон, Кавказ – надо развернуть не знамя централизованной царской власти, от которой так тяжело терпели все народности, а знамя справедливого и великодушного идеализма, начало которого самоотверженно исповедовали лучшие люди России – Толстой, Владимир Соловьев. И это знамя под стать развернуть не монархической реставрации, а русскому народоправству» [27, с. 58]. «Виноградов до конца оставался *русским*, думавшим все время о России и болевшем за нее», – отмечал настроения историка революционной поры Дионео [32, с. 250]. Ориентиром для постреволюционного устройства России, согласно Виноградову, должны служить не стихийные инстинкты толпы или властные вождения ее вождей, а лучшие достижения русской культуры, среди которых он усматривал и республиканские начала.

Идеалом политического устройства России Виноградов считал сильную центральную власть. Это необходимо для осуществления исторической миссии России: распространения начал европейской цивилизации на подвластные народы. Первоначально он считал, что

такому идеалу может соответствовать конституционная монархия, а ее образцом может служить современное государственное устройство Германии. Английский вариант конституционной монархии, очень желательный, пока недостижим в России. «По условиям исторического прошлого, громадности территории, сложных и опасных международных отношений, – расставался Виноградов со своими англофильскими симпатиями, – для России скорее подходит система, приближающаяся к германскому конституционному типу, т.е. допускающая значительную самостоятельность и влияние монархического фактора» [33]. Ориентация на Германию не была изменой европеизму, но лишь более соответствовало русским историческим реалиям. «Что же касается до русских, – продолжал ученый, – то, как бы они ни были враждебны завоеваниям и милитаризму, как бы ни были равнодушны к внешнему могуществу престижу родины, немногие захотят отречься от дела 1812 года и от наследия Петра Великого. И если в виду надвигающегося монгольского, балканского, австрийского и других вопросов нужна не разваливающаяся федерация, а сильная держава, то нужно и единство командования, нужна единоличная власть, воплощающая национальные интересы и могущество» [33]. Выход из революционного кризиса 1905 г. Виноградов видел в совокупной деятельности правительства, интеллигенции и народа. «История покажет, – предрекал он, – насколько осуществима в действительности попытка установить известное равновесие на этой почве между монархией и народовластием, но во всяком случае такого рода попытка и желательна, и неизбежна. Было бы наивно думать, что роль монархии в русской истории окончена или что она может быть сведена на исполнение церемониальных обязанностей; надо стремиться к тому, чтобы роль эта была благотворная, а не обструктивная» [33]. Народоуправление может быть представлено не только парламентом, но и, что существеннее, местным самоуправлением. По словам Виноградова, «важно связать систему возникающего представительства с органическими и постоянно действующими общественными телами» [34], т. е. опереться на традиции земского и городского самоуправления. Парламенту должен принадлежать контроль над финансами, монарху – над армией.

Революция сделала невозможным возвращение России к монархической форме правления. В отличие от большинства эмигрантов

Виноградов не питал реставрационных иллюзий. Не мог он принять и «маниакальную тиранию большевиков» [24, р. 17]. Будущее России историк видел в конституционной форме правления, гарантирующей права и порядок. Благотворным для России может оказаться федерализм демократического толка, а не бюрократическая централизация.

Изменения затронули не только Россию; в результате войны в Европе трансформации подверглись политические организации и социальные условия, да и международные отношения в целом. Люди, пережившие мировую войну хотят гарантированного нормального развития, материального и духовного прогресса. Опасность исходит от противостояния двух идей, лежащих в основе современных международных отношений: требования международной справедливости и борьба наций за самоопределение. Мирным разрешением противоречий должна заняться Лига Наций. Ее руководящим принципом должно быть давно известное положение *«самосохранение и самосознание государств как исторических организмов»* [24, р., 9]. Бесполезно наделять Лигу Наций функциями единого федеративного правительства. Такое правительство не сможет гарантировать интересы конфликтующего человечества. В современном мире необходимо расовому сепаратизму и бесцветному интернационализму противопоставить историческую традицию. Здесь исторический пример обретает силу политического аргумента. «Лучшей иллюстрацией исторического государства может служить Великобритания», — констатировал Виноградов [24, р. 10]. России же, следуя примеру Англии, надо отказаться от идеализма «сентиментальных соображений» и «держаться политики ясно понятых целей». Общий принцип межгосударственных отношений должен быть таким: «Жить и давать жить другим» [29].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Малько А.В., Саломатин А.Ю.** О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2 (283). С. 125-133.
- 2. Горбатюк Е.С.** Идея народного представительства в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные Отношения. 2013. № 2. С. 75-81.

3. **Речкович С.А.** Политико-правовые взгляды Павла Гавриловича Виноградова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 44-51.
4. **Шаляпин С.О., Михайлов С.В.** Историко-правовое измерение творчества П.Г. Виноградова // Философия и методология истории. Сб. науч. ст. VI Всеросс. науч. конф. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015.
5. **Погодин С.Н.** Павел Гаврилович Виноградов (1854 – 1925) // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 174-197.
6. **Егоров А.Н.** Отечественная историография российского либерализма начала XX века: дисс. ... д-ра ист. наук. 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Московский государственный областной университет. Череповец, 2010. С. 879.
7. **Никифоров Ю.С.** Общественная деятельность историков «русской школы» в социокультурном пространстве российской империи конца XIX - начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 2. С. 33-38.
8. **Повилайтис В.И.** Что есть история? Версия русского зарубежья / моногр. Изд-во: Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2009. С. 184. ISBN: 978-5-9971-0030-8
9. **Повилайтис В.И.** Философско-историческая мысль русского зарубежья (20 - 50-е годы XX века): дисс... д-ра филос. наук. 09.00.03 - История философии. Московский педагогический государственный университет. Калининград, 2011. С. 274.
10. **Vinogradoff P.** The Reforming Work of the Tzar Alexander II; The Meaning of the Present Development in Russia // Lectures on the History of the Nineteenth Century. Cambridge, 1902.
11. РО ИРЛИ РАН. Ф. 189. №. 71. Л. 11.
12. **Виноградов П.Г.** И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11.
13. **Ключевский В.О.** Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 398.
14. **Fisher H.A.L.** Paul Vinogradoff. A Memoir // The Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. I. Historical. Oxford, 1928.
15. **Vinogradoff P.** Prophetic Career // British Review. 1915. Vol. XII. № 1. P. 3–14;
16. **Vinogradoff P.** The Slavophil Creed // Hibbert Journal. 1915. P. 245–260;
17. **Vinogradoff P.** Western and Eastern Ideals in Russia // Fortnightly Review. 1919. № DCXXIX. P. 670–677.
18. **Венгеров С.А.** Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904.
19. **Виноградов П.Г.** Россия и Европа // Исторический архив. 1997. № 1. С. 208.
20. **Виноградов П.Г.** История Греции. Лекции профессора Императорского Московского университета П.Г. Виноградова 188[?] г. Литография. Б. м., б. г.
21. **Виноградов П.Г.** Очерки по теории права. М., 1915.
22. **Виноградов П.Г.** Кальвин и Женева (Р. Виппер: «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма». Москва, 1894) // Русская мысль. 1894. Кн. IX
23. **Vinogradoff P.** The Russian Problem. London, 1915.

24. **Vinogradoff P.** The Situation in Russia // The Reconstruction of Russia. Oxford, 1919. P. 15.
25. **Виноградов П.Г.** Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV.
26. **Виноградов П.Г.** Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа.
27. **Виноградов П.Г.** «За» и «против» республики // Исторический архив. 1997. № 2. С. 53-61.
28. **Виноградов П.Г.** Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Т. V. Октябрь.
29. **Виноградов П.Г.** Мечты о мире // Биржевые ведомости. 1916. 23 марта.
30. **Виноградов П.Г.** История средних веков. Лекции, читанные ординарным профессором П.Г. Виноградовым на филологическом факультете Московского университета в 1897/8 учебном году. Литография. Б. м., б. г.
31. **Виноградов П.Г.** Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1896.
32. **Дионео. П.Г.** Виноградов и революция // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2 / XV.
33. **Виноградов П.Г.** Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 219. 14 августа.
34. **Виноградов П.Г.** Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 224. 19 августа.

MALINOV, Alexei V. – Saint-Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russia. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

RUSSIA IN HISTORIOSOPHICAL JOURNALISM P.G. VINOGRADOV.

The article discusses the the philosophical and philosophical and historical journalism medievalist Pavel Gavrilovich Vinogradov (1854-1925). In particular, it analyzes the evaluation Slavophile direction and teaching in Russian thought. The focus is on publicism of emigrant period (after 1901), when P.G. Vinogradov became much more to write on Russian issues. Living in the UK influenced the change in its attitude to Russia. Although he remained faithful to the ideals of liberal Westernism, but began to appreciate the views of Russian national thinkers. Publicistics of P.G. Vinogradov was focused primarily on the Europeans, whom he wanted to introduce the basic facts of Russian history and the basics of Russian philosophy.

PAVEL GAVRILOVICH VINOGRADOV; SLAVOPHILES; LIBERALISM; RUSSIA; THE WAR.
